

Перемены между уроками в классе стоял шум, и никто не обращал внимания на ребят, пока вскоре, как и положено, не прозвенел звонок.

Те, кто успел расслабиться за время каникул, на уроках то и дело зевали. Зевота оказалась заразной: стоило зевнуть одному, как тут же подхватывали остальные. Видимо, это и есть та самая весенняя сонливость, осенняя усталость и летняя дремота — ничего с собой поделаться невозможно.

Особенно на уроках истории, биологии или литературы казалось, что сам дух сна зовёт каждого к себе в гости. Многие, сидя за партами после обеда, клевали носом, точно цыплята, клюющие зерно.

После занятий кто-то шёл обедать в столовую, кто-то перебивался лапшой быстрого приготовления из школьного буфета, а самые отчаянные перелезали через забор.

Хэ Хао с друзьями, закончив с едой, неспешно прогуливались по территории. Четверо рослых парней, идущих в ряд, невольно создавали впечатление, будто они собрались затеять драку. Гао Дэн, шедший с краю, время от времени бросал взгляды на своего белокожего, сдержанного спутника, и в глубине его глаз читалось какое-то труднообъяснимое, тяжёлое чувство.

Хэ Хао обернулся и, пятясь назад, посмотрел на друзей. Он хотел предложить заскочить в буфет, но заметил, что Гао Дэн всё ещё не отвёл взгляд. В глазах того, когда он смотрел на Чжань Цзюцзю, пылал нешуточный жар. Хэ Хао коротко улыбнулся, сделав вид, что ничего не заметил, и сказал им: Идёмте в буфет! Мне сегодня одна девчонка дала гостинец, хочу вернуть ей.

Ван Пэн с усмешкой посмотрел на него: Разве плохо, когда девушки угощают? Глядишь, со временем из этого что-то выйдет!

Хэ Хао, глядя на насмешника, с озорным блеском в глазах подскочил к нему, взял в захват за шею и прошипел: Тебе конец. Если я сегодня тебя не прибью, то возьму твою фамилию!

Ван Пэн, изгибаясь под напором и хватаясь за его руку, взмолился: Брат, брат, брат, я неправ, прости!

Гао Дэн, сложив руки на груди, наблюдал за ними: На самом деле, иногда нет нужды всё так дотошно высчитывать.

Хэ Хао отпустил Ван Пэна и, глядя тому в глаза, ответил: Да мы с вами особо ничего и не высчитываем, просто... как бы сказать. Он замаялся, не зная, как подобрать слова, и досадливо поморщился.

Гао Дэн шагнул вперёд, и ветер донёс его слова: Я знаю. Ты не хочешь быть должным тем, кого

плохо знаешь, это вызывает у тебя чувство вины. Пошли.

Чжань Цзюцзю с улыбкой зашагал впереди и позвал Хэ Хао: Брат Хао, я хочу мороженого!

Хэ Хао, который стоял позади и пытался сформулировать свои мысли, очнулся от этих слов, улыбнулся и отозвался: Хорошо!

Они двинулись дальше, и казалось, будто солнечный свет проникает в самую душу.

Добравшись до буфета, они взяли две упаковки мороженого и два пакета снеков. В каждой пачке мороженого было по две порции, как раз на каждого. Ребята, не спеша лакомясь ледяным угощением, дошли до дверей класса. Хэ Хао подошёл к окну и сказал Чжао Цинцин: Это тебе, мы купили лишнее!

Чжао Цинцин радостно приняла подарок: Спасибо! Она подумала: раз он делится вкусностями, значит, они уже стали друзьями.

Хэ Хао остался стоять с ребятами у перил, болтая ни о чём. Ему стало легче: принимать доброту от малознакомых людей порой слишком давило на плечи.

Вечерняя самоподготовка заканчивалась в девять двадцать. Ученики, волоча ноги от усталости, потянулись в общежитие — кто мыться, кто в уборную.

Жильцы комнаты 303, как обычно, после занятий первым делом отправились умываться. Приведя себя в порядок, Хэ Хао остался в комнате, и вскоре, как по расписанию, пришёл Ван Чэнь. Они вместе принялись повторять пройденное. Ван Чэнь спрашивал, есть ли у Хэ Хао какие-то сложности, помогал во всём разобраться и давал похожие задачи для закрепления, а после этого они приступали к новому материалу.

Ван Чэнь уходил то пораньше, то уже после отбоя.

Постепенно их занятия превратились в полноценное репетиторство: другие ребята тоже начали обращаться к Ван Чэню за помощью, а в знак благодарности частенько угощали его едой.

Школьные дни тянулись чередой. Все поняли, что Ван Чэнь, несмотря на свою холодность, парень неплохой, и теперь, проходя мимо первого класса, всегда звали его с собой обедать.

В пятницу, после последнего урока, ученики, точно птицы, вырвавшиеся на волю, с радостными криками бросились прочь из школы.

У всех в общежитии, кроме Чжань Цзюцзю и Гао Дэна, дома были в разных местах.

Попрощавшись, они разошлись. Чжань Цзюцзю и Гао Дэн пошли вместе — им было по пути лишь до развилки, где они каждый раз прощались, чтобы встретиться здесь же в воскресенье. Так повторялось каждую неделю уже целый год.

Ван Пэн после прощания тоже отправился к себе.

Хэ Хао сложил сумку, вышел за ворота и купил в ближайшем магазинчике немного закусок для Хэ Тао.

Затем он медленно побрёл к автовокзалу. Сев в автобус, он устроился у окна и принялся наблюдать за суетой снаружи, даже не заметив, что Ван Чэнь тоже едет в этом же автобусе.

Автобус тронулся, мерно раскачиваясь. Ван Чэнь смотрел на парня, который с самого начала не отрывался от окна. Казалось, вокруг него была невидимая оболочка, отделявшая его от всего мира: никто не мог подойти к нему, а он — к другим. В нём совсем не чувствовалось того Хэ Хао, который общался с друзьями в школе. Одиночество, сквозившее в его облике, эта отстранённость от толпы — всё это казалось таким странным!

Хэ Хао даже после выхода из автобуса не понял, что с ним ехал односельчанин. Он зашагал по дороге и лишь тогда, когда вокруг никого не осталось, услышал позади себя шаги.

Обернувшись, он увидел Ван Чэня. Хэ Хао взглянул на него, криво усмехнулся и бросил: Это ты.

Никто из них не упомянул о том, что они ехали на одном автобусе.

Ван Чэнь смотрел на него, и видел, что хотя тот и улыбается, в его глазах нет ни капли радости. В общении, когда Хэ Хао общался с ребятами, его улыбка казалась куда искреннее. Пока он этого не видел, не задумывался, но теперь всё казалось фальшивым. Даже если они целую неделю вместе обедали, этот человек оставался недостижимым.

Ван Чэнь кивнул ему: Пойдём вместе.

Всю дорогу они молчали. Прошло около сорока минут, прежде чем они добрались до края деревни — уже стемнело.

Ван Чэнь посмотрел на стройного юношу: Тебе нужно заниматься на выходных?

Хэ Хао взглянул на худощавого подростка и улыбнулся: Ты такой ответственный! Допзанятия не нужны, на каникулах надо отдыхать.

Сказав это, он помахал рукой и направился к дому.

Вернувшись, он крикнул: Дедушка, бабушка, я пришёл!

Бабушка Хэ, хлопотавшая на кухне, отозвалась: Вернулся! Сейчас будем ужинать.

Маленький Хэ Тао прибежал со второго этажа и повис на шее у брата, шепнув: Брат, ты вернулся! А где мои вкусняшки?

Хэ Хао подхватил его на руки, пощипал за пухлые щёчки и рассмеялся: Вот ведь неблагодарный, только о еде и думаешь!

Хэ Тао обвил ручонками шею брата и хихикнул: На самом деле, я скучал по тебе, а потом уже по вкусняшкам!

Хэ Хао принялся щекотать его, и Хэ Тао, извиваясь в его руках, точно червячок, завизжал, что сдаётся и что больше всего скучал именно по брату. Услышав, как бабушка снова зовёт к столу, Хэ Хао опустил брата и пошёл на кухню за посудой.

Тихо прошептал Хэ Тао: Сейчас отдам.

Хэ Тао кивнул и пошёл ужинать.

На ужин в семье Хэ была жидкая каша, пельмени со шкварками, капустой и тофу — размером с ладонь. Дедушка Хэ, как обычно, пил вино, а Хэ Хао лениво перебрасывался парой фраз с бабушкой. Он съел несколько пельменей вприкуску с кашей, прежде чем закончить. После ужина он помог бабушке помыть посуду, отдал Хэ Тао гостинцы, взял свой портфель и поднялся наверх. Вскоре, переодевшись, он спустился, чтобы принять душ, а когда вышел, Хэ Тао протянул ему телефон.

Хэ Хао помедлил, взял трубку и приложил к уху. Он слушал голос родителей, их дежурные вопросы об учёбе, об оценках, о том, в какой университет он собирается поступать, и советы прилежно учиться. За столько лет вопросы не менялись.

Ответив на всё как обычно, Хэ Хао посмотрел на брата и вдруг, словно в помрачении, сказал в трубку: Лучше поговорите с вашим драгоценным малышом.

Хэ Годун ответил: А разве ты не такой же?

Услышав это, Хэ Хао почувствовал, как защипало в носу, а глаза застлало туманом: Нет, я не такой. Сами говорите.

Не дожидаясь ответа, он сунул телефон брату, поднялся наверх и сел за стол. Он открыл тетради, но долго не мог написать ни слова. В душе его бушевала буря. Закрыв тетрадь, Хэ Хао

повалился на кровать и уставился в потолок, а потом, не в силах успокоиться, поднялся на крышу и сел на пол. Он мрачно смотрел на серебристый свет луны.

Жизнь — это сплошная ирония, думал он. Когда в детстве чего-то просишь, не дают, а когда вырастаешь — хотят навязать, не спрашивая, нужно ли тебе это.

Хэ Хао смотрел на далёкие чёрные горы, чей силуэт тонул в ночной мгле, словно во тьме, поглотившей всё вокруг. Мысли уносились вдаль, к прошлому семьи.

Ни он, ни Хэ Чжи не питали к родителям тёплых чувств. В основном потому, что никогда не были с ними близки. Даже когда жили вместе, взгляды на мир у них были разные, они совсем не знали друг друга. Хэ Чжи был старше на восемь лет, и с ним отношения тоже не сложились. Родители были лишь внешним присутствием. Хэ Чжи всегда казался ему жалко: в детстве его часто бил отец, а когда пришло время поступать в университет, денег не дали, и ему пришлось бросить вуз и уехать на заработки. С тех пор Хэ Чжи возненавидел родителей. Наверное, тогда он был таким же, как сейчас Хэ Хао — мечтал сбежать из этой деревни, из этого дома. Позже бить стали его самого, а брат смотрел на это. Может, брат тогда чувствовал себя так же, как Хэ Хао, когда смотрел на страдания старшего брата?

Хэ Чжи вырос у дяди и считал его настоящим отцом. Хэ Хао же видел матерью тётю, которая часто приезжала и заботилась о них, заменяя мать.

Родители возвращались только на Новый год, и их общение каждый раз было неловким. В лучшем случае они обменивались парой фраз за едой, но даже тогда царило напряжение. Никто не начинал разговор, а если начинал, то только чтобы спросить, сколько Хэ Чжи заработал и сколько отправит домой. У Хэ Хао спрашивали только про оценки и университет.

Исключением был только брат.

Родители были предвзяты к младшему — это ясно видели и Хэ Хао, и Хэ Чжи. Хэ Чжи стал взрослым и не хотел спорить, он просто не любил Хэ Хао. Так было с самого начала. В детстве Хэ Хао спрашивал мать, почему она любит только брата, почему всё лучшее отдаёт ему, а не им с Хэ Чжи. Мать отвечала: Ты уже взрослый, понимаешь всё, должен уступать младшему, он ещё маленький, ему нужно больше заботы. После этих слов сердце ребёнка разбивалось: неужели он не важен? Неужели он не заслуживает любви? Но больше он таких наивных вопросов не задавал.

Он вспомнил, как впервые увидел мать, когда начал себя осознавать: она держала на руках малыша. Бабушка подтолкнула его, велела позвать маму. Тогда мать и ребёнок были для него чужими. Он подошёл, несколько раз позвал её, но она не ответила. А этот новый малыш сломал игрушку, которую ему подарила тётя. Тогда он возненавидел того младенца: тот только и знал, что плакать, даже говорить не умел. Мать видела лишь этого малыша, а не его. Хэ Хао страшно завидовал, но позже сам отдал этому ребёнку всю свою любовь.

Родители никогда не знали, что он не ест сельдерей и помидоры, зато прекрасно помнили, чего

не любит Хэ Тао. Любое его желание исполнялось мгновенно.

Потому что дети, которые не плачут, остаются без конфет.

Родители считали, что ребёнку достаточно не быть голодным и раздетым, и никогда не пытались его понять.

Они всегда самонадеянно думали, что знают его, но понимания не было. Или, может, они и понимали, но не его. Постоянно жаловались, почему он не отличник, как другие. Если кто-то на него наговаривал — верили сразу, а вернувшись домой, били его бамбуковой палкой, никогда не давая возможности объясниться. Позже он перестал даже пытаться. Иногда ему казалось, что они получают удовольствие, глядя, как он катается по полу от боли.

Казалось, в этой семье у всех были склонности к насилию. Дедушка в молодости бил бабушку, отец — мать, а родители — их детей. Дедушка с бабушкой не любили младшего, Хэ Хао это чувствовал, поэтому всегда принимал удары на себя, защищая Хэ Тао.

Но дедушка с бабушкой любили его — может, потому, что вырастили его сами? А может, дело было в той ночи, когда ему было пять или шесть лет. Бабушка встала ночью, ей стало плохо, и она упала без чувств. Хэ Хао, проснувшись, перепугался до смерти, изо всех сил пытался её уложить поудобнее, хотел выбежать из дома позвать кого-то на помощь. Но когда он открыл дверь, за порогом была такая тьма, словно в ней притаились демоны, готовые схватить его. Он испугался и не решился выйти, остался сидеть рядом с бабушкой. Когда она наконец пришла в себя, то крепко обняла его, словно вырвавшегося из лап смерти. С тех пор всё лучшее, что было, она тайком отдавала ему — ни Хэ Чжи, ни Хэ Тао она этого не давала.

Хэ Хао всегда чувствовал внутреннее противоречие: когда дедушка с бабушкой не любили Хэ Тао, ему становилось радостно, а когда родители нежно заботились о брате — он сгорал от зависти. Но когда родителей не было рядом, он сам старался заботиться о Хэ Тао, не давая его в обиду, словно тот был не братом, а его собственным сыном.

В их доме ссорились каждый год, без исключений.

Когда начинались скандалы, в ход шли то палки, то ножи. Казалось, они ненавидят друг друга до смерти, но при этом странным образом продолжали жить вместе.

Однажды, тоже на Новый год, мать схватилась за кухонный нож. Хэ Хао бросился их разнимать и порезал руку, и только вид крови остановил драку.

Позже, когда родители снова ругались, мать спряталась на кухне и плакала. Хэ Хао сказал ей: Почему бы вам не развестись? Если разведётесь, тебе будет лучше, не придётся терпеть побои. А если нет — я пойду работать, я смогу тебя прокормить!

Мать ответила: А что будет с тобой и братом?

Хэ Хао возразил: Я смогу прокормить себя! Хэ Тао ещё маленький, девятилетнее обязательное образование не стоит больших денег!

Мать сказала: Самое главное — твой брат. Он ещё мал, ему нужна мать. Если я уйду, ему будет тяжело. Когда он вырастет и захочет жениться, а в семье нет старших, семья невесты будет смотреть на него свысока, и в деревне будут сплетничать, наговорят всякого!

После этих слов Хэ Хао словно окатило ледяной водой. В сердце осталась лишь пустота и безнадежность.

Ты так привыкла к своей предвзятости, почему ты так слепа? Ты понимаешь, что младшему нужна мать, но почему не понимаешь, что мне она тоже нужна? Ты готова терпеть побои, но не уйти из этого дома. Почему тебе так важно, что скажут другие? Разве жить хорошо — не главное? Почему ты так печёшься о Хэ Тао? Почему ты такая жалкая и такая ненавистная!

Зависть снова захлестнула его, порождая злобу. Ему хотелось перестать заботиться о Хэ Тао, дать ему ощутить всю гниль их семьи, сделать его таким же, как он сам. Но он не мог. Почему?! Почему эта семья так отвратительна и так жалка!

С того дня, когда в доме начинались крики, он просто переставал их слышать.

Звёзды усыпали небо, озаряя землю. Хэ Хао, глядя на далёкие горы, чувствовал, как слёзы из покрасневших глаз стекают к вискам.

Юноша, прижавшись к стене, обхватил колени и уткнулся в них лицом. Он рыдал, словно запертый в клетке зверь, плечи его дрожали в ночной мгле. Никто не знал, что этот мягкий и нежный парень так хрупок.

Вскоре Хэ Хао сел ровно, вытер слёзы и подумал: чего бояться? В конце концов, можно просто умереть. Жить так — не лучше, чем умереть.

Посидев так ещё долго, он взял себя в руки, уголком губ улыбнулся тьме, и снова стал прежним — нежным и беззаботным, хотя в глазах всё так же не было жизни.

Затем он умылся и пошёл спать.

В этой деревне, стоявшей уже сотни лет, чернильно-чёрная ночь, яркая луна, окрестные горы, заблудшая душа юноши и спящие люди в эту ночь казались особенно отчётливыми.